

Татьяна Гридина
Екатеринбург (Россия)

Стереотипы обыденного сознания в художественном тексте: фразеологические реминисценции в рассказах С. Д. Кржижановского

Художественный текст – продукт авторского субъективного миромоделирования – вместе с тем отражает и ту картину мира, которая задана языковой реальностью, воплощающей в себе национальные стереотипы мышления.

Для исследования природы ХТ в этом аспекте несомненный интерес представляет творчество Сигизмунда Кржижановского, писателя-экспрессиониста, философа, чей парадоксальный идиостиль отличается активным использованием кодов языковой игры, выводящей мысль за рамки обыденности.

Рассматривая креативные стратегии литературы русского экспрессионизма (применительно к творчеству С. Д. Кржижановского), А. В. Кубасов отмечает, в частности, свойственное писателям данного направления стремление сделать высказывание «не отражением реальности, а частью этой самой реальности. Слово начинает преодолевать свою «орудийность», становясь ... подчас полноправным субъектом произведения. Как следствие активизируется игровой дискурс, который далёк от формальной и формализованной игры в слова или словами. За ней стоит определённая логика мышления и миропонимания...»¹. Согласно нашей концепции², языковая игра есть форма лингвокреативного мышления, в основе которого лежит эксплуатация «бесконечной интерпретационной валентности знака»³, проявляющая его ассоциативный потенциал (= совокупность

¹ А.В. Кубасов, *Креативные стратегии литературы русского экспрессионизма: случай С.Д. Кржижановского*, [в:] *Лингвистика креатива*, коллективная монография под общей ред. Т.А. Гридиной, Екатеринбург 2012, с. 306.

² Т.А. Гридина, *Языковая игра: стереотип и творчество*, Екатеринбург 1996.

³ А.Ф. Лосев, *Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию*, Москва 1994.

всех возможных реакций на словесный стимул, закрепленных в коллективном и индивидуальном языковом сознании). Стратегия ЯИ базируется на актуализации и одновременной ломке, переключении ассоциативных стереотипов восприятия, порождения и употребления вербальных единиц при помощи специальных механизмов (приемов) остранения.

К особенностям эстетики экспрессионизма относятся такие черты, как балансирование на грани бытия и инобытия, свободное соположение вымышленного и реального, соединение несоединимого, отождествление ментального и вечного.

Уникальность художественной манеры писателя во многом определяется жанровой спецификой его рассказов. Особую роль в жанрово заданной игровой стилистике получают новелла-притча, сказка-аллегория, символический смысл которых базируется на технике иносказания. В этом плане особо следует отметить лингвопсихоментальные операции автора с фразеологизмами и единицами пословичного фонда. Это своего рода фразеологические реминисценции, выражающие в художественной системе С. Д. Кржижановского экспрессионистское философское понимание концепции мира и проявляющие лингвокреативный потенциал авторской «работы» с различной семантикой культурного (фразеологического) прецедента. Опрокидывание стереотипов обыденного сознания, прочно закрепленных в разного рода фразеологических оборотах (максимах, содержащих социально отфильтрованные установки), весьма активно востребовано в игровой палитре С. Кржижановского. Как отмечает В. В. Химич, „характернейшим способом выявления новых смыслов в привычных словах у Кржижановского является устойчивый приём «сдвига», с которым нередко связано парадоксальное обновление контекстов”⁴. Отметим в этой связи, что в основе и восприятии смысла игровой трансформы (игремы – термины наши. – Т. Г.) всегда лежит опознание некоего прототипа (предполагаемого известным адресанту и адресату игровой коммуникации). В случае с фразеологическими трансформами этим прототипом является устойчивый оборот, получающий неожиданную смысловую актуализацию и/или претерпевающий формальную модификацию в текстовом поле.

Для С. Кржижановского характерны следующие концептуально значимые игровые фразеотрансформации: 1) расфразеологизация

⁴ В.В. Химич, *Повествовательный дискурс С. Кржижановского: от слова к мыслеобразу через гнездо значений*, [в:] *Лингвистика креатива*, под общей ред. Т.А. Гридиной, Екатеринбург 2012, с. 339.

(буквализация) фразеологизма и представление исходной пропозиции как основы сюжетостроения (развития действия якобы в реальной перспективе, связанной с реализацией прямого смысла словных компонентов фраземы); 2) переворачивание (антонимическое, оксюморонное) переосмысление значения фраземы как способ деканонизации расхожей истины и создания авторской проекции видения игрового феномена; 3) создание отфразеологических дериватов, ассоциативно подкрепляющих текстовую смысловую доминанту обыгрывания прототипического прецедента.

Ср., например, намеренно парадоксальные, провокативные (нарушающие прогноз употребления известных устойчивых выражений) названия многих рассказов писателя: *Прикованный Прометеем* (ср. Прометей прикованный – известный прецедент из области мифологии); *Воспоминания о будущем* (оксюморонный оборот, не соответствующий обычной логике вещей); *Неукушенный локоть* (буквализация выражения «Близок локоть, да не укусишь») и т. д.

Именно опровержение стереотипов обыденного сознания, транслируемых фразеологизмами, становится в поэтике С. Кржижановского основой их игровой символизации, побуждающей читателя к обнаружению сложности мироустройства и человеческих отношений.

Такова сюжетная подоплёка рассказа С. Кржижановского *Когда рак свистнет...*⁵, написанного в жанровой форме притчи, сказки, в которой обыгрывается приведенный в названии фразеологический прецедент. Известно, что эта фразема означает то, чего не будет «никогда», что не может произойти (в основе переносного смысла выражения лежит пропозиция «раки не свистят», соответственно это своего рода эвфемизм, представляющий что-либо как однозначно неосуществимое, лишь формально, чаще всего иронически выдаваемое за возможное). Отметим при этом редукцию исходной идиомы в названии рассказа, где опущен один из маркеров «неправдоподобия» ситуации, описываемой выражением «жди, когда рак на горе свистнет».

Еще один смысловой вектор выражения *когда рак свистнет* («временная неопределенность» и «неудовлетворенность отрицательным прогнозом развития событий») становится стимулом для моделирования текстового поля номинаций с подобными значениями в предлагаемой автором притче о противостоянии племен *авосей, небосей и какнибудей*. Реализация внутренней формы фраземы (утверждения

⁵ С. Кржижановский, *Когда рак свистнет*, [в:] *Тринадцатая категория рассудка. Повести и рассказы*, Москва 2006, с. 564-571.

ad absurdum) подкрепляется созданием парадоксального игрового коррелята (оксюморонного словосочетания той же грамматической структуры, что и прототип): *Когда рыба запоёт*. Для предъявления этой фразеологической игры автор готовит «почву» в текстовой экспозиции – описании места и времени действия без определенных ориентиров: *Между двух стран озеро без имени, над зыбями ивы, под зыбями рыбы без голоса, на зыбях звёзды без времени, ... от озера без имени зелёный пар, на пару коровы без вымени. Направо идти – придешь к авосям, налево – к небосям*. Этот сказовый зачин аллюзивно соотносится с выражением *пойди туда, не знаю куда*, что подкрепляет авторскую идею губительной пассивности существования в надежде *на авось, небось и как-нибудь*.

По сути, Кржижановский аллегорически рисует некую абсурдную модель бытия, где все противоречит истинным ценностям, на которых зиждется жизненный путь человека. Отметим стратегии языковой игры, которые используются писателем для художественного воплощения идеи об ответственности человека за совершаемые им поступки, осмыслении собственного предназначения на земле. В основе игровой аллегории лежит субстантивация модальных частиц *авось, небось* и неопределённого наречия *как-нибудь*, возведенных писателем в ранг трех олицетворённых ипостасей пассивно-наплевательской морали жизненного существования. Лексико-грамматический код языковой игры сочетается с семантическим. Названия неких древних племён (*авоси, небоси, какнибудьи*), грамматически представленные формой мн.ч. (здесь есть явный элемент стилизации – ср. *дреговичи, вятичи* и др.), метонимически (в опредмеченном виде) транслируют исходное значение неопределённых частиц и наречия как главную поведенческую характеристику основных субъектов рассказа.

Ср. употребление данных единиц в составе устойчивых оборотов: *авось (как-нибудь) обойдется, авось да небось, надеяться (не надеяться) на авось* и др. (отметим, что в этнокультурном плане такая черта поведения приписывается, прежде всего, характеру русского человека, который не проявляет активного сопротивления неблагоприятно складывающимся обстоятельствам, не «просчитывает» имеющиеся возможности выхода из затруднительного положения, а чаще полагается на простое везение, удачу, самопроизвольное «разрешение» проблемы). В сказовой манере Кржижановский аллегорически изображает подобную ситуацию как отношения между *авосями* и *небосями*.

Искони – кони у небосей расседланы; искони они, небоси, без опаси, войной на авосей шли. Авоси живут – беды не ждут: стоят авосевы города не горожены, авоськины дети не рожены. Придут – и пустят всё с дымами, угонят коров без вымени, возьмут в полон, кто не рожён; долго потом озеро без имени кроваво стоит, ниже никнут ивы, косами не кошены, а уж копытами вымолочены нивы, и плачут малые авосята не-роженные, ещё пуше авосевы жёны, и того пуше старые авосихи (развитие данного лейтмотива описания авосей осуществляется в деривационном дискурсе ЯИ).

В этом отрывке появляются и собственно текстовые (наведенные фабулой и фонетическими сближениями рифмующихся слов) смыслы: актуализация в названии племени *небоси* внутренней формы *не боясь* – по принципу ассоциативной выводимости (в данном случае без *опаси* нападающие на *авосей*, от которых они не ждут отпора, поскольку те беспечны и *города* их стоят ***не горожены***). Знаковым является и мотив *детей не-роженных* как трагическая нота, намекающая на возможность полного истребления племени *авосей* из-за их беспечности и пассивности. В словообразовательных дериватах *авосята, авоськины дети, авосевы жены и старые авосихи*, помимо прямой денотативной семантики, проявлена контекстуально актуализированная коннотация «брошенные на произвол судьбы»: - ***Когда небосовой неправде конец*** Отвечают авоси: - ***Когда рак свистнет. И еще: - Когда рыба запоёт.***

Данные фразеологические реминисценции не только актуализируют значение базовой метафоры, заданной в заглавии притчи, но выступают необходимым звеном для последующей фабульной реализации ее буквального смысла.

Действующим персонажем, от которого зависит благоприятный исход событий, является рак-отшельник (свист которого может положить конец *небосевой неправде*): *А у самого дна (одна голова не бедна) в песке и тине, вместе с женой актинией, жил старый рак-отшельник.* Отметим игровую трансформацию фраземы *одна голова хорошо, а две лучше*, также реализующую в притче двойной смысл: способность принимать решения самостоятельно (стремление рака прекратить кровавые распри) и необходимость прислушиваться к чьим-то советам (в данном случае это жена рака актиньюшка, занимающая выжидательную позицию): *И когда первую кровь из озера без имени - речным пльвом – в море синее занесло и береговые пены залило, повел рак длинным усом и:* - Не пора ли мне, Актиньюшка?

Но та, нежными актиниями колыхнув: - **Крови мало, моря много.** Уйдем. **И ползёт рак задом, а сказка передом.**

Здесь (в этом диалоге) целый пучок игровых фразеореминисценций, создающих ассоциативные импликатуры: *повел длинным усом* (ср. по/шевелить усами, повести усом / глазом - выразить невербально интерес к чему-либо, проявить готовность к действию; буквализация метафоры поддерживается введением определения *длинным*); на фразу **крови мало, моря много** ассоциативно всплывает устойчивый оборот **море крови**; в концептуальном плане значим игровой перифраз **и ползёт рак задом, а сказка передом**, в котором прочитывается (просвечивает) прототип, вполне соответствующий жанровой стилистике рассказа: **скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.** Однако можно предположить и более радикальную аллюзивную связь описываемой ситуации с временным затишьем, которое непременно должно смениться активным протестом, бунтом (ср.: Долго запрягает, да быстро едет – о русском мужике). Данный перифраз выражает и мотив невмешательства как некую позицию жизненного существования.

Обыгрывание фразеологических реминисценций явлено и в описании *какнибудей* – жителей страны *Какнибудии* (названия дополняют ряд игровых номинаций, создающих текстовую модальность неопределенности и выражающих идею полного подчинения воле судьбы, пассивного ожидания). Словотворческий код языковой игры (образование топонима узнаваемой структуры и опредмечивание наречия со значением **неопределенного образа действия**) подкрепляется сюжетной актуализацией коррелирующих с этим значением фразеологических оборотов – в описании жизни *какнибудей*: ... *живут какнибудеи ни два – ни полтора, никто на двор, все со двора* (ср. поговорку *кто на двор, кто со двора* – о неслаженности чьих-то действий; трансформация выражения, не отменяя полностью его обычного смысла, актуализирует связь с выражением **бежать со двора**, т.е. не заниматься делом, хозяйством. – Т. Г.); *тяп - ляп – выше корабль, и сели б на корабль, да ни ветру, ни тех, чтоб гребли* (ср. ассоциативно всплывающий перифраз *без руля и ветрил* - о неуправляемом корабле и соответственно в *перен.* значении – о нецеленаправленности, неуправляемости, произвольности чьих-л. действий; беспомощности чьих-либо усилий. – Т. Г.). *Сидят у моря – ждут погоды, а поверх моря белые пены бегут. Ждут.* Данный сюжетный разворот основной идеи задан буквализацией метафорического смысла фраземы *ждать у моря погоды*.

- Значения базовых единиц – *авось*, *небось* и *как-нибудь* составляют канву иносказательной семантики притчи. Весь ход описываемых событий подан в русле заданной символики неопределенности, несостоятельности и соответствующего принципа жизненной «философии» - через обыгрывание стереотипов обыденного сознания, актуализированных фразеологическими оборотами: позиция упования **на Бога, на авось** и **на чью-то помощь** - основной характеристический маркер поведения авосей: *Ждут авоси, ждут и терпят, авось небоси Бога побоятся, но не боятся небоси; ...и, в лесу затаясь, держат, авосясь, совет авоси: - Авось пронесет. – Жди, когда рак свистнет. – И рыба запоёт* (данный диалог включает в себя фразеологические реминисценции, подчеркивающие бессмысленность такого ожидания и соответственно авторский взгляд на бесперспективность иносказательно обозначенной жизненной позиции); ср. сюжетное развитие данной коллизии в принятом авосями решении обратиться за помощью к какнибудям: *И порешили: ждать в лесах, меж ох да ах, еще жданки съедят; пошлем-ка мы послов в Какнибудиеву страну, а ну как из-за синего моря придут какнибуди и помогут горю*. Смысл всего фразеологического «блока» сводится к устойчивому обороту, выражающему общеизвестную житейскую истину (ср. поговорку «Слезам горю не поможешь»). Двойное (буквальное и переносное) прочтение текстовых фразеологизмов как конструктивный принцип «ассоциативного наложения», чрезвычайно характерный для манеры С. Д. Кржижановского, сочетается с тавтологической контаминацией («ассоциативной интеграцией») [Гридина 1996] фразем в текстовом поле. Ассоциативная многовекторность фразеологических реминисценций (их однонаправленность или разнонаправленность) создает сложный игровой подтекст, восприятие которого зависит от того, на какую клавишу нажимает автор. Ср. *И во сё авоси челом бьют: небоси, мол бьют, нельзя ли как-нибудь беде помочь*.
- жизненная философия *какнибудей* выражена в нежелании (*sic* неспособности) чем-либо заниматься основательно или о чём-либо серьёзно задумываться), что выражается в произвольности принимаемых ими решений, отсутствии какой-либо рациональной мотивации и продуманности собственных поступков. Их позиция иронически обозначена в тексте игро-

вой фразеологической реминисценцией, отсылающей к выражениям **ни то ни сё, ни так ни сяк, и так и сяк**: *Какнибудди не прочь: то да сё, так ли сяк, помочь готов всяк. На тяп-ляп-корипи подняли якорям лапы и по шатущему морю – помогать горю.* Ассоциативно связаны с данным рядом выражений фразеологические симиляры *сикось накось, вкривь и вкось, в хвост и гриву*, актуализированные в текстовом поле при описании последствий «военных» действий *какнибуддей* против *небосей*: *Как приплыли какнибудди, в железо кованы груди, в руках палицы: Царство Небесное валится. ... Прошли какнибудди вокруг озера без имени, хлещет кровь, как из вымени; прошли по прямым, и по кривям, и по коси, легли небоси кровавым покосом.* И теперь уже побитое какнибуддями племя небосей обращается за помощью к какнибуддам. – *Побило нас, небосей, небо. Будь что будь* (в этом развороте сюжета фразеологически обыгрывается и мотив покорности судьбе, и мотив Божьей кары). *Какнибудди покоряемся, богам какнибуддиевым поклоняемся. Были мы небоси, стали мы боси. И босы* (ср. прототипическую фразему *поклоняться чужим богам* и выражение *голы и босы*, определяющие смысл текстовых реминисценций: ослушавшийся неба, живущий не по закону Божьему да получит по заслугам). Суть какнибуддиевской философии афористически сформулирована в рассказе в следующей характеристике: *Какнибудди, им будь что будет, вместе с небосями пошли на авосей* (им все равно, против кого воевать). ... Похваляются какнибудди: - *Мы-де и авосей и небосей, как траву косим. Авосю не вовсе верь, да и небосю вовсе не верь.* Обыгрывание и достраивание узуальной пословицы, создает текстовую перспективу актуализации этих стереотипов для дискредитации небосевой, авосиевой и какнибуддиевой «правды», порождающей лишь бессмысленное кровопролитие. *И пошли тут: авось на небося, небось на авося, а какнибудь – и на этих и на тех; ср. также фразеологическую реминисценцию ...держался авоська за небоську, да оба упали;*

- особую сюжетную линию составляют фразеологические реминисценции на библейскую тему, транслирующие христианские заповеди. Эти мотивы связаны с образом одного из небосей по имени Канеав, отца-мать которого *извели авоси, сестру увели блудные какнибудди. Но у бедра Канеав не носил меча, а в сердце Канеав не носил зла.* Его проповедь к авосям, небосям и как-

нибудям звучит так: «*Живите, небоси, по-христосьи. И какнибуди – люди. Авоська небоське набитый брат*» (ср. прототип *брат названный* как символ родства не по крови, а по духу и по ситуации – в данном случае и авоси, и небоси судьбой побиты; ср. также семантическое партнерство и синонимию слов в составе фразеологических оборотов). Ложно понятый призыв святого Канеава жить по-христосьи побуждает авосей и небосей объединиться и пойти на какнибудей, чтобы *перебить их без изъятия. А когда стал Канев их удерживать, говоря: простите какнибудям, ведь и какнибуди люди, – разгневались на него и авоси, и небоси: мил тебе какнибудь, так туда тебе и путь*. Христианская вера учит жить в мире, ведь все люди равны перед Богом. Такова и проповедь Канеава, обращенная к какнибудям: - *Авось-небось да третей какнибудь. **Братом друг другу будь, кто ты ни будь, хоть какнибудь.*** (ассоциативно обыгрываются христианская максима *все люди – братья*). Но осмеянный какнибудями, святой небоська-пророк брошен на волю волн – *пусть слезами посолонит море*. И выброшенный на необитаемый остров, святой Канеав, вспоминая *брани и рати* изгнавших его племен, *написал невеликую хартию. Называлась хартия так: «Когда же наконец свистнет рак»* (ср. в этой связи ключевую мысль притчи – о необходимости кардинальных перемен в самой человеческой природе, ожидания чуда, очищения духовного, способного остановить грехопадение). Судьба изгнанного, а затем распятого Канеава – аналог жизни и смерти Иисуса. *И приплыв к берегам, где все враги врагам, где идет полк на полк, где человек человеку волк, идет Канеав к авосям и небосям и слёзно просит: - Не меч, но мир, не смерть, но серп; послушайте меня, Канеава, не живите кроваво, а живите братией семьей...* (ср.: *человек человеку брат, перековать мечи на орала*). В этом смысле знаковым является приснившийся Канеаву сон о рае, где нет людей. На вопрос Канеава: *а где же люди, невидимый голос* отвечает: *Помни, Канеав, и знай – все люди погибли за свой рай!* Данное изречение нарушает стереотипное представление о рае как месте, куда попадают праведники (в данном контексте *свой рай* – это ложные ценности, заставляющие человека идти неправедным путём вражды и насилия, разрушительным для души);

- еще один символический вектор иносказания о смысле человеческого бытия, обозначенный С. Кржижановским, – это сю-

жетообразующая реализация метафоры *когда рак свистнет*. Ассоциативный стереотип, закрепленный за данной фраземой, опрокидывается сюжетной логикой: *Но случилось тут у озера без имени такое, что и не сыскать имени. ... Ключнул старый ворон тело Канеавово и с первого же клёва насытился; насытившись, вынул клюв закровавленный и полетел к морю дальнему... опустил ворон в тихую волну, и чуть клюв в воду, чтоб кровь омыть, - заворошилось море и ну – волной о волну бить....* В этом описании можно усмотреть аллюзивную связь с семантикой выражений *последняя капля крови* и *чаща терпения* (ср. также обыгрываемый мотив искупления вины человечества кровью Иисуса). Свершившееся чудо – пробуждение рака-отшельника, в чьем образе воплощена жизненная позиция невмешательства, актуализированная фраземами *над нами не каплет и пятится задом наперед*. **Финал** этой притчи, казалось бы, оптимистичен: от рачьего свиста «вражды на земле как не бывало, всякому вольно жить всяко, как хочет» (и даже рыбы без голосу запели). ... *И с той поры никто не скажет: «Небоси, или авоси, или какнибуди», а говорит просто: люди.* Ср. фразеологические реминисценции: Се человек; все мы люди и др. Оптимистична мысль о самоценности любой человеческой личности, о том, что самоуважение и духовное очищение – главный залог внутренней гармонии. Но не антиутопия ли это? Ведь нарисованный писателем «рай» базируется на парадоксальном допущении о возможности невозможного (в действительности *рак никогда не свистнет* – нет такой силы, которая могла бы извне, без участия самого человека, изменить его внутренне). Думается, смысл притчи именно в этом. Хотя, безусловно, этим не исчерпывается.

SUMMARY**The usual consciousness stereotypes in S. Krzhizhanovsky's stories**

Some features of S. Krzhizhanovsky's unique style are under consideration in this article. The author analyses different genres of S. Krzhizhanovsky's stories and describes linguistic and mental operations which transmit stereotypes of usual man's consciousness in non-ordinary ways. The article stresses that the idioms used by S. Krzhizhanovsky proclaim his vision of the world. The story "Kogda rak svistnet..." was given special attention in the article.